

Л. Д. ШАГДАРОВ, В. И. РАССАДИН

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТОФАЛАРАМИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

В Нижнеудинском районе Иркутской области у снежных вершин Восточных Саян, среди высоких гор и хребтов, покрытых девственной тайгой, живет тюркоязычная этническая группа — тофы, или тофалары². По языку и родовому составу тофалары близки к своим южным соседям — тувинцам-тоджинцам. Само название тофаларов «тофа» (дубо~туба) встречается в родоплеменных названиях тувинцев, хакасов и алтайцев. По данным переписи 1959 года, тофаларов насчитывается около 560 человек.

Авторы, изучавшие историю и этнографию тофаларов, считают, что они имеют южносамодийское происхождение³. Однако следует отметить, что эта гипотеза еще не подтверждена материалами языка.

Раньше тофалары кочевали в тайге, занимались охотой и разведением оленей. Их кочевья находились в верховьях рек Уды, Бирюсы, Кана, Гутары, Ии и частично Оки. Жили они в конусообразных чумах, сделанных из жердей и покрытых шкурами или берестой.

В конце двадцатых годов нашего века в одной из долин Саянских гор, где в царское время располагалась пограничная застава, было основано селение Алыгджер (в переводе — широкая долина), в нем образован колхоз «Красный охотник». Сюда были собраны тофалары. В дальнейшем населенные пункты основаны также в местностях Нерха и Верхняя Гутара, где образованы колхозы им. С. М. Кирова и «Кызыл тофа». В настоящее время колхоз им. С. М. Кирова объединен с колхозом «Красный охотник» (центр — с. Алыгджер). В 1932 году был завершен переход тофаларов к оседлости.

Осенью и зимой они уходят в тайгу, добывают белку, соболя и других зверей и сдают их на приемные пункты. Летом заготавливают сено для лошадей, которых вместе с оленями за определенную плату сдают на время геологоразведочным экспедициям. При этом тофы обычно сами работают в экспедициях в качестве проводников, новаров и т. д. Тофалары занимаются и оленеводством. Летом стада оленей находятся высоко в горах на обильных ягельниках, осенью и зимой они используются

¹ В статье использован материал, собранный у тофаларов Ц. Б. Цыдендамбаевым и И. Д. Бураевым.

² В старой литературе тофаларов обычно называли карагасами.

³ См.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Егоров. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

в основном как вьючные и верховые животные. Коров в колхозе нет, но в индивидуальном владении они имеются. Сено для коров колхозники заготавливают на специально отведенных для этого участках.

Поселения тофаларов — современные благоустроенные села, имеющие среднюю школу, детский сад, ясли, клуб, почту и т. д. Все тофалары живут в рубленых избах. Сохранившиеся чумы служат подсобным помещением. Почти каждая семья имеет свой огород. В селениях много детей. Тофалары, как малочисленная группа, пользуются большими льготами. Например, на полном государственном обеспечении находятся дети дошкольного и школьного возраста.

Летом 1965 года отряд диалектологической экспедиции отдела языка и письменности БКНИИ СО АН СССР в составе Ц. Б. Цыдендамбаева (руководитель), И. Д. Бураева, Л. Д. Шагдарова и инженера А. Р. Бадмаева побывал у тофаларов в селах Алыгджер и Нерха с целью выявления специфики употребления бурятского языка тофаларами. В данной статье в предварительном порядке сообщаются некоторые наблюдения, сделанные во время поездки.

Как свидетельствуют старики, раньше тофаларов, владеющих бурятским языком, было довольно много.

До революции, а затем в двадцатых-тридцатых годах тофалары часто общались с нижеудинскими, тулунскими и окинскими бурятами, обменивали у них пушнину, панты на хлеб, муку, кремневое оружие, ножи, огнива, конскую сбрую, предметы украшения, овчинные одеяла и т. д.

Среди тофаларов был распространен шаманизм, а некоторые из них были православными или буддистами. В дацан или к шаманам они ездили в бурятские места.

В настоящее время необходимости в подобных поездках не стало, поэтому общение тофаларов и бурят носит случайный, единичный характер. Тофаларов, знающих бурятский язык, ныне осталось мало. Владящие бурятским языком отражают в своей речи особенности говоров нижеудинских и окинских бурят. Кроме того, довольно сильное влияние, особенно в произношении, оказывает на бурятскую речь тофаларов их родной язык. Поэтому бурятский язык в устах тофалара представляет собой смесь элементов указанных бурятских говоров и некоторых произносительных особенностей тофаларского языка. Причем в речи тех или иных лиц в зависимости от того, с какими бурятами они больше общались, наблюдается преобладание особенностей то нижеудинского, то окинского говора.

Фонетические особенности

1. В бурятской речи тофаларов четко различаются гласные переднего ряда *õ* и *y*: *jeõen* (девять), *кун* (человек), *кõбуу* (сын; мальчик), *укур* (корова), *шõдõ* || *шõдõн* (зуб).

После нервослоговых *õ* и *y* встречаются долгие *өө* и *ээ*, но более применимо после *о* долгое *өө*, а после *у* первого слова — *ээ*: *кõдлөөб* (работал), *õбõд жөөб* (заболел), *мунгээр* || *монгөөр* (деньгами), *үшөө* (еще), *үн'ээн* || *н'ээн* || *ин'ээ* (корова), *өглөө* (завтра), *кул'ээкэ* (ждать), *үгээ* (нет, не), *мургээд* (помолившись), *мүнөө* || *мүнээ* || *м'инээ* || *м'инөө* (сейчас), *кхара гөрөөһөн* (медведь).

2. В позиции после заднеязычных *к*, *г* и губных *м*, *б* часто употребляется закрытый оттенок мягкорядной широкой неогубленной фонемы *э* в результате чего предыдущие согласные палатализуются. Это явление характерно первому слогу, но может наблюдаться и в непервых слогах: *г'энэ* (говорит), *к'эдзээ* (когда), *б'ээлээ* (рукавицы), *м'эдэкэб* (знаю),

к'э́рмэ (белка), к'э́нэ (делает), б'э́ркээр (сильно), к'э́бтэкэ (лежать), түр-г'ээр (быстро), эм'ээлэкэ (оседлать). В то же время некоторые дикторы в этих словах дают твердый звук: кэрмэ (белка), кэбтэнэ (лежать) и т. д.

3. В словах, содержащих в первом слоге узкие огубленные монофтонги, наблюдается прогрессивная лабиальная ассимиляция: булгун, лит. булган (соболь), гушун, лит. гушан (тридцать), күүргү, лит. хүүргэ (мост), хулгуна, лит. хулгана (мышь), гудунун || го'ьһон (ичиги) и нек. др.

В некоторых словах в подобном фонетическом положении вместо *у* и *у* произносятся широкие огубленные звуки: бухол, бухоллохо, лит. бухал, бухаллаха (копна, конноть), н'урго, лит. н'урган (спина), н'үдөн н'үдө, лит. н'үдэн (глаз), шүдө, лит. шүдэн (зуб).

В основах слов в непервых слогах могут факультативно встречаться узкие огубленные гласные после широких звуков: бацуган, лит. ба-саган (девушка), модун, лит. модон (дерево).

В то же время в некоторых словах наблюдается делабиализация узких гласных: м'инээ || м'инөө, лит. мүнөө (сейчас; теперь), инээ || н'ээн, лит. үн'ээн (корова), тармыр, лит. тармуур (грабли).

4. В ряде случаев широкий огубленный монофтонг замещается огубленным же, но узким гласным: тума, лит. томо (большой), хурхэ, лит. хорхэ (червяк), Булгаг'эраад, лит. Волгоград (Волгоград), туфалаар'у, лит. Тофалаар'у (Тофалария), бүрэ (<бура, боро), лит. боро (серый).

Иногда имеет место замена твердоядного узкого огубленного монофтонга соответствующим мягкорядным звуком: үјүн, лит. ун'ин (дым); дуу гар'аха, лит. дуу гарха (издавать звук).

5. Вместо литературного *ы* употребляются долгие гласные или дифтонги: бүкээкэ || бүхээхэ, лит. бүхыхэ (нагибаться), дэм'ээрхэ, лит. дэмьрхэ (бредить), харан'һоэ, лит. хар'а'чхы (темно; темный); хар'гу, лит. х'ргы (дорога).

В некоторых словах твердоядные долгие широкие монофтонги *аа* и *оо* главным образом под влиянием предыдущих палатализованных согласных приобретают мягкорядную артикуляцию: бур'ээд, лит. бур'-аад (бурят), тар'ээ, лит. тар'аан (зерно, хлеб), аэлаар, лит. аал'аар (тихо; медленно), Моск'эваэ, лит. Москваа (Москва), ногоэ, лит. ногоон (трава).

6. В бурятской речи тофаларов наряду с щелевыми *ш*, *ж*, *з* и *с* встречаются аффрикаты *ч*, *дж*, *дз* и *ц*: шүдө (зуб), һөгчөн, лит. хүгшэн (старый), джил || жил (год), джилааһан (мошкара), дзугаалжа зугаалха (говорить, сказать, разговаривать); гадзар газар (земля); цагаан сагаан (белый).

В глагольных формах, образуемых в бурятском языке из сочетаний соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом *орохо*, при выпадении звука *р* стекающиеся согласные с предыдущим кратким гласным дают долгий аффрицированный мягкий *т* с сильным или слабым смычным элементом: хат'т'иха || хаяд жаха, лит. хая жархи'ха (выбросить), сууд'т'оо, лит. зуу' арх'оо (укусил), сот'т'об, лит. сох'и жорх'и-боб (набил я), баэлад'т'ина баэлад'д'ина, лит. баэла жарх'ина (останавливает, ставит).

Подобный же, но краткий звук образуется из заднеязычного щелевого сильного мягкого глухого звука *х'*: т'уруу, лит. х'уруу (иней), тамт'а, лит. тамх'ин (табак), саб'ит'и || сабт'и, лит. сабх'и (сапоги).

Процесс слияния составного глагола в одну простую форму имеет место во многих бурятских говорах и носит вполне закономерный характер. Развитие этого процесса представляется в следующем виде: зуу-жарх'иба — зуу жх'иба — зуут'т'ба. В этом отношении характерным является, в частности, тункинский говор. Например: алатт'оо (убил),

зуут'оо (укусил), унагаат'оо (уронил)¹. То же самое, как видим, имеет место и у тофаларов.

В диалектологической литературе по бурятскому языку сообщалось, что согласному *x* хоринского диалекта в нижеудинском говоре соответствует звук *m* в любой позиции². Бурятская речь тофаларов в этом плане совпадает с нижеудинским говором лишь частично — в отношении соответствия мягкому звуку *x* мягкого *m*.

В глагольных формах, образуемых из сочетания соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом *ошоо*, процесс слияния компонентов в одно целое также завершился, согласные *ж*, *ш* дали аффрикату *дж* с долгим смыком, мягкий *д'* или *т'*, а также аффрикату *ч* с предшествующим *m* или *д*: *болд жиба* || *болт'иба* (< *боло жо ошоо*), лит. *болошобо* (сделался), *јабад жана* (< *јаба жа ошоно*), лит. *јабашина* (уходит), *дүүрд'эбэ* (< *дүүрэжэ ошоо*), лит. *дүүрэшэбэ* (закончилось; заполнилось), *бусалд'оо* (< *бусал жа ошоо*), лит. *бусалишоо* (вскипел), *өбөдөчөө* (< *өбөдөжө ошоо*), лит. *үбэдэшоо* (заболел), *өтлөтчөө* (< *өтөлөжө ошоо*), лит. *үтэлэшоо* (постарел).

В нижеудинском говоре эта форма бытует в виде *үхэт'м'оо* (умер), *гарт'м'оо* (вышел)³.

7. В мягкорядных словах наличествует смычный *к*, наряду с которым в речи людей, владеющих окинским говором, встречается и обычный бурятский звук *x*: *көбүү*, лит. *хүбүүн* (сын; мальчик), *к'эбтэхэ* || *хэбтэхэ*, лит. *хэбтэхэ* (лежать), *к'элэ* || *кэлэ* || *хэлэн*, лит. *хэлэн* (язык).

В твердорядных словах употребляется глухой слабый заднеязычный *к* (^г), наряду с которым имеются также аффрикативный *кx* и щелевой сильный *x*: *кара*, лит. *хара* (черный); *ака* || *акха*, лит. *аха* (брат), *катуу*, лит. *хатуу* (твердый), *кот'уго*, лит. *хутага* (нож), *алака*, лит. *алха* (молоток), *уулдзакхадаа* || *уулзахандаа* (встречаясь).

Как известно, в нижеудинском говоре имеются смычный *к* в мягкорядных словах и более задний *к* и аффрикативный *кx* в твердорядных словах: *көбүүн* (дитя), *талкан* (мука), *дакака* (следовать), *кхуруган*, (палец)⁴. Но заднеязычно-увулярный звук *x* в этом говоре, по-видимому, не встречается.

Одной из ярких особенностей бурятской речи тофаларов, которая несомненно появилась под влиянием их родной речи, является факультативная замена бурятских заднеязычно-увулярных звуков звонким или иногда глухим фарингальным звуком *h*: *хандагаэ*, лит. *хандагаэ* (сохатый), *халбага* || *кхалбага* || *халбага*, лит. *халбага* (ложка), *үхэтчөө*, лит. *үхэшөө* (умер), *шиһэн* || *шикэн* || *шихэн*, лит. *шэхэн* (ухо), *эл'һэн*, лит. *эл'гэн* (печень).

8. Под влиянием своего языка звонкие оттенки фонем *г*, *д* тофаларами произносятся иногда с оглушением: *гар* || *гар* (рука), *халбага* (ложка), *доогтор* (доктор). В отдельных случаях вместо сильного смычного *m* встречается звонкий оттенок звука *д*, произносимый с оглушением: *г'эрдэ*, лит. *гэртэ* (дома), *далха*, лит. *талхан* (мука), *газарда*, лит. *газарта* (на земле).

¹ См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», № 98, 1949.

² См.: А. А. Дарбеева. Предварительные данные о языке нижеудинских бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 3, серия востоковедная». Улан-Удэ, 1960, стр. 122.

³ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 49.

9. Под влиянием тофаларского языка обычно в начальной позиции слова переднеязычный дорсальный щелевой слабый *з* произносится с сильным оглушением и слышится как *с*: *сээһэн*, лит. *зээгэн* (росомаха), *сөөхэи*, лит. *зөөхэй* (саломат), *сугаа* (беседа), лит. *зугаа* (веселье), *сагаһан*, лит. *загаһан* (рыба), *савхоос*, лит. *завхооз* (завхоз).

10. Другой особенностью бурятской речи тофаларов является замещение в интервокальной позиции в середине слова переднеязычного смычного мягкого носового сонанта *н* среднеязычным щелевым мягким сонантным звуком *ј*: *хојон* || *һојон*, лит. *хон'ин* (овца), *үјүн*, лит. *үн'ин* (дым), *көбүүјин'*, лит. *хүбүүн'иин* (его сын), *тэрээн'и мор'ијин*, лит. *тэрээнээ мор'ин'иин* (его конь).

Однако в некоторых словах вместо начального звука *ј* употребляется мягкий *н'*: *н'эмаан* || *н'амаан*, лит. *јамаан* (коза), *н'амар*, лит. *ја-мар* (какой).

В слове *джилааһан* (мошкара) начальная аффриката соответствует литературному *и* (лит. *илааһан* || *ал'ааһан*).

Лингвисты, изучавшие нижеудинский говор, отмечают, что в нем общемонгольские звуки *г*, *ј* и иногда *дж* отражаются в виде палатализованного *д'* в положении перед гласным *и*. В бурятской речи тофаларов подобного явления не наблюдается: *јөһөн*, нижеуд. *д'иһэн* (девять), *јэрэн*, нижеуд. *д'ирэн* (девяносто), *джилааһан*, (мошкара, муха), нижеуд. *д'илааһан* (муха).

11. В интервокальном положении губно-губной слабый *б* произносится иногда со смычной преградой: *көбүүјин* (его сын), *јабагаар* (пешком).

12. В интервокальном же положении обычно после долгого гласного или после сонантных фарингальный звук *һ*, как и в нижеудинском говоре¹, выпадает: *кхара гөрөөн* (медведь), *јэрээ'ан* (приходил).

Из других единичных фонетических особенностей бурятской речи тофаларов следует отметить: а) выпадение звука *л* в середине слова (*көдмөр* || *көдмөр'и*, лит. *хүдэлмэр'и* — работа; *сэмэд жэбэ*, лит. *сэлмэ-шэбэ* — прояснилось); б) выпадение кратких гласных в конце слова (*һар*, лит. *һара* — месяц, луна; *ошкоол* — школа); (*һур* < *һурга* — палец); в) несоответствие с литературным языком в отношении палатализованности согласных в отдельных словах (*мөлһөн*, лит. *мүл'һэн* — лёд; *хар'ааха*, лит. *харааха* — ругать; *түлээ*, лит. *түл'ээн* — дрова; *хэл'ээмэ*, лит. *х'илээмэн* — хлеб; *төкөөркэ*, лит. *түх'ээрхэ* — собираться); г) переход фарингального *һ* в глухой увулярный звук *х* (*ханаха*, лит. *һанаха* — вспомнить; *хурчаха*, лит. *һурашаха* — начать спрашивать).

Некоторые слова, полностью или частично совпадая семантически со словами литературного языка, имеют иной внешний облик: *джоргоон*, лит. *зургаа* (шесть), *джорон* || *жорон*, лит. *жара* (шестьдесят), *мэт'иш*, лит. *миш* (просто так), *күүзэ*, лит. *хоозор'и* (kozyрь), *котиго* || *хот'и-го*, лит. *хутага* (нож), *дуудаха*, лит. *дууһаха* (закончить, завершить), *абаадаха*, лит. *абаашаха* (унести), *мэндэхэ*, лит. *мэгдэхэ* (торопиться, спешить), *н'однон*, лит. *н'одондо* (в прошлом году), *сүгсүг*, лит. *түгсэгэ* (пень) и др.

В области морфологии большая часть особенностей объясняется фонетическими причинами.

1. Родительный падеж имен имеет окончания *-аэн* (после кратких гласных), *-и* (после согласных), *-ји* (после долгих гласных): *Уда* — *Удаэн* (Уда — Уды), *күдэр* — *күдэр'и* (кабарга — кабарги), *булган* — *булган'и* (соболь — соболя), *сагаа* — *сагаји* (олень — олени).

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

2. Множественное число образуется посредством суффикса *-һүүд* (*-һүүд*), причем конечный согласный основы или выпадает, или же к нему наращивается краткий гласный: *бур'аад — бур'ааһүүд* (бурят — буряты), *г'оолог — г'оологоһүүд* (геолог — геологи), *нојон — нојоһүүд* (начальник — начальники), *көбүү — көбүүһүүд* (сын — сыновья), *э'ээ — ээ'ээһүүд* (жена — жены), *солон'ээцкэ — солон'ээцкэһүүд* (солонецкий — солонецкие).

В орудном падеже конечный *д* основы замещается фарингальным *һ*: *бур'аад — бур'ааһаар* (бурят — по-бурятски).

3. В ряде случаев долгие гласные аффикса имеют лишь твердую, неогубленную огласовку, то есть не зависят от состава вокализма корня. Это особенно характерно формативу винительного падежа, осложненного частицей безличного притяжания, но может наблюдаться и в других аффиксированных формах: *моријаа*, лит. *моријоо* (свою лошадь), *кэл'ијаа*, лит. *хэлээ* (свой язык), *көбүүјаа*, лит. *хүбүүгээ* (своего сына), *толгөзјаа*, лит. *толгөзөөо* (свою голову), *орохојаа*, лит. *орохојоо* (чтобы войти), *жил-һаа*, лит. *жэлһээ* (от года), *тэндэ'аа*, лит. *тэндэһээ* (оттуда), *оэлгааб*, лит. *дэлгооб* (понял), *хонааша*, лит. *хоноошо* (ночевавший), *һандарджаа*, лит. *һандаршоо* (разрушился; распоролся), *т'ииггаад*, лит. *т'иигээд* (так), *гарајаа*, лит. *гараа* (руку свою).

Как видно из приведенных примеров, показатель винительного падежа с безличным притяжением не зависит от характера конечного звука основы, то есть в любом случае имеем *-јаа*. Поэтому между конечным согласным основы и этим аффиксом инфиксируется краткий гласный: *гар — гарајаа* (рука — руку свою), *н'уур — н'уурајаа* (лицо — лицо свое), *кол — колојаа* (нога — ногу свою).

Таким образом, в данном случае имеет место нарушение гармонии гласных. Твердая же огласовка характерна некоторым частицам: *мэдээш һам* (я знал), *јэрээ'ан* (приходил).

4. Личные местоимения *б'идэ*, *м'ин'ии*, выполняя в постпозиции функции предикативных и притяжательных частиц, иногда не претерпевают структурных изменений: *сабшаа б'идэ*, лит. *сабшаабд'и* (мы косили); *һоком'ин'и* || *һокомни'*, лит. *һүхэмн'и* (мой топор), *һураа һамб'идэ*, лит. *һураа һэмд'и* (учились мы), *м'ин'ии дзоркомин'и*, лит. *зүрхэмн'и* (мое сердце).

В тех случаях, когда имеет место слияние местоимения *б'идэ* с предыдущим словом, согласные частицы некоторыми дикторами произносятся твердо: *јэркэбдэ*, лит. *јэрхэбд'и* (мы придем), *өгөөбдэ* || *өгөөбд'и*, лит. *үгөөбд'и* (мы отдали). А при наращении *м'ин'ии*, *манаэ* к слову с конечным согласным в некоторых случаях выпадения начального *м'* частицы не наблюдается: *гарамн'и* (*гар < м'ин'и*), лит. *гарн'и* (рука моя), *гарамнаэ* лит. *гарнаэ* (руки наши).

5. В отличие от литературного языка в качестве вопросительных частиц употребляется *ј* с узкой огласовкой (*ји, јы, јуу, јүү, ју, јү*): *Руучка ји* (Ручка эта?); *Таа саэ уухајт* (Вы будете пить чай?); *Уухаа ју, үгээ јүү* (Выпьет или не выпьет?). Наряду с этим можно встретить и литературную частицу *гу*: *Асараа гу* (Принес ли?).

При выражении вопроса обычно избегается вопросительная частица *б*: *Һаана дүү гарна*, лит. *хаана дуугарнаб* (где кричит?), *Хкаана ошхошн'и* || *ошхош*, лит. *Хаана ошхошн'иб* (Куда идешь?), *К'эдзээ јэрээт*, лит. *Хээээ јэрээбта* (Когда вы приехали?).

6. В нижнеудинском говоре в качестве частицы отрицания обычно употребительны *үбээ*, *боэ¹*, а в бурятской речи тофаларов — *үгээ*, *-гуи*.

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 124.

Причем при присоединении к слову в частице *-гүи* узкий дифтонг факультативно разогубляется: *дуулаагээб*, лит. *дуулаагүйб* (не слышал), *таарнагыи*, лит. *тааранагүи* (не подходит).

В речи осведомителя Ивана Сергеевича Баканаева, жителя села Алыгджер, зафиксирована архаичная частица отрицания *эһэ*: *Мөнөө аннаһан улад тэрээн'и эһэ мэдгэнэл даа баран* (Все, кто охотится ныне, не знают того обычая).

Из модальных частиц частое употребление имеет частица *биз* || *б'изэ* || *бээ*: *м'эдэкэ б'изтэ* (наверное, знаете), *јэрхэ б'иизэ* (придет, наверное), *б'ии бээ* (есть, наверное).

Иногда употребляются частицы *-гшам* и *һан жгши*: *Солон'ээцкэ бур'ааһууд ондоогаар дуулнагшам* (Ведь солонецкие буряты поют по-другому); *Тэрэ муу күн һан жгши* (Он оказался плохим человеком).

7. Частица третьего лица личного притяжания *н* факультативно палатализуется: *абха арган'и үгээ* (не имеет он возможности взять), *кхојорын* (два из них), *һанаан'и* || *һанаајэн* (его нрав, характер).

8. При притяжательном употреблении личных местоимений или слова *кун* в родительном падеже к ним наращивается аффикс *-т'и* (*-х'и*). При этом между основой и аффиксом инфиксируется согласный *н*: *манаэн'т'и* (наш), *танаэн'т'и* (ваш), *күнээн'т'и* (чужой).

В качестве личных местоимений третьего лица употребляются *өөһэн* (он), *өөһөд* (они), отсутствующие в литературном языке.

Как отмечалось выше, в нижеудинском говоре местоимения *манаэ* (наш) и *танаэ* (ваш) представлены в виде *ман'аэн'т'и* и *тана'эн'т'и*¹. Такой же облик, как видим, имеют эти местоимения и в бурятской речи тофаларов. Однако в отличие от нижеудинского говора первый согласный *н* в них не палатализован. Кроме того, тофалары употребляют местоимения *м'ин'ии* (мой) и *шин'ии* вместо нижеудинских *мин'т'ээ*, *мин'т'ээк'и* и *шин'т'ээ*, *шин'т'ээк'и*, а также местоименные основы *түүн-тэрүү* наряду с литературной основой *тэрэ*: *түүн'и* (ту), *тэрүүгээр* (тем; там).

9. Порядковые числительные образуются, как и в нижеудинском говоре², при помощи суффикса *-аатк'и* (*-оотк'и*, *-өөтк'и*, *-ээтк'и*). Правда, в нижеудинском говоре согласный *к* суффикса не палатализован. Примеры: *гурбаатк'и* || *гурбаатка* (третий), *дөрбөөтк'и* || *дөрбөөткө* (четвертый), *джоргоотк'и*, нижеуд. *јургоотка* (шестой), *долоотки* (седьмой), *јэһытк'и*, нижеуд. *д'иһөөткэ* (девятый).

При определительном употреблении некоторых из этих числительных к ним иногда может наращиваться звук *н*, который также появляется у некоторых имен прилагательных и существительных в родительном падеже: *табаатк'ин клааста* (в пятом классе), *гурбааткин һарда* (третий месяц), *гушааткан жилдэ* (в тридцатом году); *колхоосоэн мор'и* (колхозная лошадь), *залуун күн* (молодой человек), *норон түлээ* (сырые дрова).

Суффикс *-аатк'и* разлагается на *-аат* (*-аад*) и *-к'и* (*-х'и*): *табаатк'и* || *табаад+хи* (пятый).

При счете количественные числительные в бурятском языке обычно произносятся без конечного *н*, в речи же тофаларов этот звук сохраняется: *нэгэн*, *хојор*, *гурбан*, *дөрбөн*, *табан*, *джоргоон*, *долоон*, *наэман*, *јөһөн*, *арбан*, *хорин* (один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать и т. д.).

Конечный *н* в количественных числительных сохраняется и в неко-

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

² См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 49.

торых других случаях их употребления. Ср. *арбан дөрбөн болт'обо* и лит. *арбан дүрбэ болибо* (уже четырнадцатое число).

Однако этот звук проявляет свою устойчивость не во всех случаях. Многие имена могут употребляться и без *н*: *Цагаа көбкөн, хал'аар эд'инэ* (Олень питается ягелом и черемшой); *Энэ джил ногдэ хаэн ургаа* (В этом году трава выросла хорошая). Ср. также: *өмөдө*, лит. *үмдэн* (штаны), *н'урго*, лит. *н'урган* (спина), *шүдө*, лит. *шүдэн* (зуб), *улаа арт'и*, лит. *улаан арх'и* (красное вино), *сагаа морин*, лит. *сагаан мор'ин* (белая лошадь).

В то же время, когда слово с конечным *н* выступает в качестве прямого дополнения, в отличие от литературного языка этот звук в ряде случаев сохраняется: *саарһан суруху* (писать), *көбкөн эд'икэ* (есть мох), *саарһан тоолоко* (читать). *Г'оологоһууд алта олд жо јаджа базна* (Геологи не могут найти золото).

10. Предельное деепричастие образуется посредством аффикса *-са*: *хүрсэ*, лит. *хурэтэр* (до, по), *болсо*, лит. *болотор* (до тех пор, пока).

11. В бурятской речи тофаларов очень редко встречается многократное причастие на *-даг*. Вместо него со значением действия, совершаемого часто или неоднократно, употребляются изъяснительная форма настоящего времени (суффикс *-на*), постоянное причастие на *-ааша* и однократное причастие на *-гша* (редко): *Сојод зар'ман'шин б'эркээр бур'аа-һаар зугаалааша јэмэ. Ахаэн бур'ааһууд сојооһоор зугаална, т'ишгаад баһа тофалаараар зугаална зар'ман'шин* (Некоторые сойоты хорошо говорят по-бурятски. Окинские буряты говорят по-сойотски, а некоторые из них также и по-тофаларски). *Зар'ма өлөгшөн к'илограамда хүрсэ нэгэ өдөр өг ө ө ш ө јэмэ* (Некоторые олени матки дают до килограмма молока в день). *Ураэ нүүжэ баяхдаа мангад эв'ээ абаашагыи һан* (Раньше, когда жили в кочевьях, русских жен не брали). *Т'ишгаад Маријаа гэжэ гол б'иш, тэндэ хонааша* (Затем имеется река Мария, там обычно ночуют). *Ураэ б'и мэдээшэ һам* (Раньше я знал). *Мөнгөн'ийн'иш т'ээ бага үгэгши базна* (Да и денег-то дают мало).

В литературном языке постоянное причастие почти не употребляется в предикативной функции и не сочетается с утвердительными частицами.

12. Изъяснительная форма настоящего времени (аффикс *-на*) иногда используется со значением прошедшего времени: *Намаэ шкоолһоо каркад жк'ина һан тэрэ жилдэ. Хоэт жил јэркэш г'энэ* (Меня в том году исключили из школы. Сказали, прийти в следующем году).

13. В нижнеудинском говоре со значением обычного прошедшего времени часто употребляется форма интенсива типа *гарт'т'оо* (вышел), которая в литературном языке имеет значение мгновенности, неожиданности совершения действия. Это же наблюдается и у тофаларов: *Хор'ин долоотк'и жилдэ Алыгд жээр болд жаа* (В двадцать седьмом году был основан Алыгджер). *Хојор јакууһууд н'одһон јэрэв'ан: 50 цагаа өгөөбд'и, самол'оодоор абаад јабад жана* (Двое якутов приезжали сюда в прошлом году: им мы дали 50 оленей, которых они увезли на самолетах).

В литературном языке употребление условного деепричастия (аффикс *-бал*) ограничено. У тофаларов же оно применяется часто: *Шоно албал, зуһн сөлхөөб абха* (Если убьют волка, получают сто рублей). *Хара гөрөн'эн поһаалбал, тэрэ хаэн даа* (Если попадется медведь, — еще лучше).

В условных конструкциях иногда применяется служебное слово *болбол*: *Б'идэ хоюуһандаа болбол саһша жал хэптэхэ һэмдэ* (Если бы мы были вдвоем, — много накопили бы).

14. Служебный глагол *болохо* сочетается с отрицательной формой

причастия будущего времени, что не характерно литературному языку: *Эрхүүнээ сааша мэтхэеүи болхо тофалаар'и* (Дальше Иркутска тофаларов не знают). *Н'амарьши мэтхэеүи болхоб* (Ничего не знаю). *Лэкэ шуһан гараад, јүүмэ ханахагүи болиооб* (Из-за потери крови память у меня стала худая).

При отрицательных формах глаголов, а также при частицах отрицания *-гүи, үгээ*, присоединяемых к именам, часто употребляется утвердительная частица *јүмэ: газ'ээд тан'ихгээ јүмэб* (Газеты читать не умею). *Грааматна үгээ јүмэб даа* (Я неграмотный).

15. В единичных случаях русский суффикс *-ка-* присоединяется к бурятским словам: *хахуул'ка* (удочка), *чүлүүскэ* (ключ, отмычка).

В синтаксическом плане обращает на себя внимание копирование в некоторых случаях порядка расположения слов в русском предложении, употребление русских союзов и оформление сказуемых той глагольной формой, которая обычна в соответствующих русских предложениях: *Т'ишгаад амбулатоор'идо ошооб. Тэндэ јэкэ доогтор г'энэ: шамэји опэ'рааци г'экэ наада, а тоо г'энэ өкөд жөкөши. Срааза јэрэнэ — н'ээрвэ поомош машина. И намаэји Кузн'эцовск'и бол'н'ишцада абаадна. Тэндэ отлоод хаяд жана* (Затем я пошел в амбулаторию. Там врач говорит: «Тебя оперировать надо, а то, — говорит, — умрешь». Сразу приходит машина первой помощи, и меня увозят в Кузнецовскую больницу. Там меня оперировали). В отличие от литературного языка у тофаларов сказуемые *г'энэ, јэрэнэ* занимают место в середине предложения, употреблены русские союзы и модальные слова (*а то, и, надо*), сказуемые оформлены изъявительной формой настоящего времени. Вместо литературного *шамда оп'эрааца хэхэ* управляемое слово, как и в русском языке, стоит в винительном надеже: *шамэји оп'эрааца к'экэ* (будут оперировать тебя). В литературном языке приведенное выше высказывание имело бы такой вид: *Т'ишгээд амбулатоор'идо ошооб. Тэндэ доогтор: «Шамда оп'эрааца хэхэ хэрэгтээ, үгы наа үхэшэхэши», — гээ. Тишгээд түргэн туһалам жын машина тэрэ дороо јэрээ. Намаэји Кузн'эцовско больн'ишцада абаашаад, отолоод хаяа һэн.*

В тех случаях, когда тофалары затрудняются выразить какую-нибудь мысль на бурятском языке, они употребляют слова и выражения из русского языка: *Т'ишгээд на н'ээрвий крајэвэз сјээд Эрхүүдэ б'и д'эл'згаат базгааб и тан'а улад тэндэ јэрээ'ан* (Затем я был делегатом первого краевого съезда в Иркутске. И ваши люди туда приезжали). *Намаэји раэсполкоомдо л'икбээстэ баэлгадт'ина. Таам дваа с половиною годо б'и пр'эподаваат'эл базгааб* (Меня назначили в райисполком — на ликбез. Там состоял преподавателем два с половиной года). *Тэндэ'аа абаад, стааршиим статии'ст'иком Сэцүү раэсполкоомдо баэлгадт'ина. Т'ишгээд Эрхүүдэ ошооб — күүрсэдэ, четыр'оох м'ээс'ачна — сов'эетсковоо стрөйт'эл'стваа. Коончил, с'удаа отп्राав'ил'ши. Тэрэ күүрсэјээ дуудаад, б'иш эндэ јэрээб, с'экр'этар'оом с'эл'сов'этаа хкојор жил баэгааб* (Оттуда взяли, назначили старшим статистиком ЦСУ в райисполкоме. Затем поехал в Иркутск на четырехмесячные курсы советского строительства. Кончил курсы, сюда отправили. Два года работал секретарем сельсовета).

Д'этдоомдо Унгуштаајэв Н'иколаэ С'эрг'эјэв'ич б'иш. Бур'аад к'элэ мэдэкэ. Дазн'и бэр'ээм'идэ јэкэ нојон болоо даа, грааматна кун. Тэрэшэ мүнөө сп'итаат'эл штоо л'и (В детдоме есть Унгуштаев Николай Сергеевич. Знает бурятский язык. Во время войны был большим начальником. Грамотный человек. Сейчас он воспитателем, что-ли).

Туфалаар түв'иинһээ, бур'аадһаа үлэһэн јүүмэн. Јэхэнт'ин' түв'иин'и однааха. Мал'ээн'ха ондоо јазык (Тофалары образовались из смеси

бурят и тувинцев. Большинство, однако, из тувинцев. Язык лишь немножко отличается).

Тофалары в бурятскую речь часто вставляют вводные и служебные русские слова: *к о г д а а г р'эб, улад ороз болсо көдөлнө* (Когда гребля, люди работают допоздна). *Үглөө самол'оод жабад жа баэха о д н а а к о* (Завтра, однако, самолеты будут летать). *М о о ж э, улаа арт'и ацараа гү?* (Может, привезли красное вино?). *Унтабал муу, п о т о о м толгоэ өбөд жөкө* (Спать плохо, потом голова болит). *Т о о л ь к о эндэ бур'аад үгээ, татаар јуу, мангад олуун эндэ* (Здесь только бурят нет. Татар и русских много). *Шоно албал, Эрхүүдэ саарһа эл'гэхэ. Собака л и , шоно л и гэжэ үзэхэ н а а д а* (Если убьют волка, надо бумагу отправить в Иркутск. Проверить — собака это или волк).

Твердый порядок в предложении имеют лишь определение и определяемое. Остальные члены могут в нем располагаться вполне свободно: *Мангаһууд баһа абана — ман'и басгаһи. Нэгэ арбаад б'ии бээ кхојор гурбан кхолхооздо* (Русские тоже женятся на наших девушках. В двух-трех колхозах таких, наверно, будет около десяти). *Эндэ застаава базгаа јум һэн — даалдаан вр'ээм'идэ. Тэрэ застаава табан жил базгаа эндэ* (Во время войны здесь была застава. Эта застава простояла пять лет). *Иркүүдэ, ав'ацоонно шкоолдо илгээкэб көбүүјаа* (Сына отправлю в Иркутск, в авиационную школу). *Удаэн бур'аадта оло жабааб — далха*

абха г'эжэ (К удинским бурятам за мукой ездил много раз). *Кхојор жил аннангүи к'эбтээб гэртээ, п'ээрвэ грүүпэ инвал'иид болоод* (Два года лежал дома, не охотился: инвалидом первой группы стал). *Гурбан жил гаршба — Ахада жабаһанаа хошио* (Прошло три года с тех пор, как я был в Оке).

В деепричастных оборотах изредка субъект выражается личным местоимением в именительном падеже (в литературном языке — в родительном): *Б'ии арт'и ууд жа базбал, сукхалдад жаха, ханаајэн муу* (Если я буду пить вино, она рассердится, — вредная).

В ряде случаев управление глаголов отличается от литературного языка: *Сојоод зар'ман'ин б'эркээр бур'ааһар зугаалааша јэмэ вм. лит. сојоодоз зар'ман'ин* (Некоторые сойоты хорошо говорят по-бурятски). *Б'ии унтаку дурум б'ии вм. лит. унтахајаа ханааб* (Я хочу спать). *Тэрэ стар'иик даланһаа гаршоол даа вм. лит. дала гараа* (Тому старику перевалило за 70 лет). *Залууһууд даа жи бур'аад үзөөгүи даа вм. лит. бур'аад-дыја* (Молодые даже не видели бурят). *Б'ии зугаалкхајаа шадакгөб* (Я не умею говорить). *Бооханска бур'аад мангад адл'и базгаа вм. лит. мангадта* (Боханские буряты были похожи на русских).

Бурятская речь тофаларов по составу лексики носит смешанный характер. В ней встречаются слова, употребляемые как нижеудинскими, так и окинскими бурятами. Например, как и нижеудинцы, понятие читать тофалары обозначают словом *тоолоко: саарһан тоолоко* (читать). В литературном языке *тоолохо* означает «считать». В западных диалектах в значении «читать» обычно употребляется слово *дуудаха*.

В литературном языке слово *үлэгшэн* обозначает лишь «самка собаки или волка». А окинцы это слово употребляют в значении «самка любого зверя». Тофалары самку оленя называют также *өлөгшөн*.

Слово *б'эркээр* употребляется со значением «сильно; много»: *Б'эркээр үјүн ушарна* (Сильно идет дым). *Эндэр б'ич б'эркээр эсэд жөвөб, јадаа гэд жэ күрд жэ јэрээб* (Сегодня я сильно устал, кое-как добрался).

Смешанный характер лексики бурятской речи тофаларов обуславливает переплетение в ней черт, свойственных западным и восточным говорам бурятского языка. В качестве примера приведем слова, которые

в указанных значениях преимущественно употребляются в западных говорах: *зугаа* (беседа, разговор), лит. *зугаа* (веселье, гулянье); *зугаалха* (говорить, рассказывать, разговаривать), лит. (веселиться, развлекаться, гулять); *мангад*, лит. *ород* (русский); *куур*, лит. *үгэ* (слово); *утаркаэ*, лит. *хахад* (половина); *шикэлкэ*, лит. *үбшэхэ* (сдирать кожу); *жаабалка*, лит. *хартаабха* (картофель); *һүлүүбши*, *чүлүүскэ*, лит. *түл'т'үүр*. (ключ, отмычка); *нооһон*, лит. *үһэн* (волосы), *иб'ээ || эб'э || эб'ии*, лит. *эжы* (мать), *цагааэ*, *сагаан || сагаа*, лит. *оро* (олень). Из восточнобурятских слов можно отметить: *мүргэхэ* (молиться), *шабһанца* (старушка), *сомохо* (стоговать), *тугаар* (недавно, только что), *сүлөө* (свободное время), *г'эр* (изба, дом), *сухалдаха* (сердиться, гневаться, возмущаться), *балаэ* (не очень, не так уж), *хүүгэд* (дети), *һөнөһө* (провизия, провиант), *г'э-дэхэн* (брюхо, живот) и т. д.

Довольно часто для обозначения одного и того же понятия употребляются как западнобурятские, так и восточнобурятские слова: *над жар* и *зун* (лето), *өглөө* и *маргааша* (завтра), *јабаха* и *мордохо* (выехать).

Из краткого обзора особенностей бурятской речи тофаларов видно, что в ней фонетико-грамматические и лексические особенности носят, как правило, факультативный, непоследовательный характер, так как на эту речь оказывают влияние самые различные источники: 1) нижнеудинский говор, относящийся к западному диалекту бурятского языка; 2) окинский подговор, относящийся к саянско-прибайкальскому или промежуточному диалекту; 3) родной тофаларский язык, входящий в состав тюркских языков и, наконец, 4) русский язык, принадлежащий индоевропейской семье языков.